

Глава Пятая (отрывок)

Дом моего деда стоял немного в стороне от главной улицы, в тени двух мощных вязов, чьи густые ветви бились о стены в сильные порывы ветра. Позади дома был красивый сад, занимающий примерно четверть акра, полный сливовых деревьев и кустов крыжовника. Эти деревья были посажены старыми поселенцами. Теперь деревьев уже нет, за исключением одного, у которого пурпурная, размером с яйцо, слива. Не было на свете более прекрасного дерева, чтобы карабкаться и прыгать с него.

В самом дальнем углу сада находились конюшни и сарай для карет, выходившие на узкий переулок. Легко понять, что каждое утро, в любую погоду, я наносил ранний визит в это место, чтобы осмотреть своего дорогого пони Джипси. Вернее, мою дорогую пони Джипси – ведь она была леди. В первый день приезда я навещал ее каждые пол-часа. В двадцать четвертый приход она довольно сильно наступила мне на ногу, наверное как намек, что я достал ее своим занудством. Она была понимающая маленькая пони, эта моя Джипси, и у меня еще будет возможность многое о ней рассказать.

Среди моего нового окружения было еще кое-что, кроме Джипси, доставляющее мне огромную радость – специально для меня приготовленная уютная спальня.

Раньше у меня никогда не было отдельной комнаты. А теперь – была. И размером, примерно, в два раза больше нашей каюты на борту «Гайфуна». Спальня была чудом аккуратности и комфорта. Милые ситцевые шторы висели на окне. Мою маленькую раскладную кровать покрывало лоскутное одеяло, более разноцветное, чем “Одеяние Джозефа” – цветка трехцветного амарантуса. Рисунки обоев также не оставляли желать лучшего, особенно по части полета

фантазии. На сером фоне были изображены маленькие грозди листьев, непохожие ни на что когда-либо росшее на нашей планете. На каждой второй грозди сидела желтая птица, испещренная малиновыми пятнами, как будто только что оправившаяся от сильного приступа оспы. То, что такой птицы никогда не существовало, – не умаляло моего восхищения. Было всего двести шестьдесят восемь таких птиц, не считая тех, что были разделены на две части, где бумага была плохо соединена. Я посчитал их однажды, когда лежал с хорошим синяком под глазом. И когда я в тот раз заснул, мне пригрезилось, что вся стая вдруг вспорхнула и вылетела через окно. Я проснулся в холодном поту. И с того момента уже не мог относиться к этим птицам как к неодушевленным.

Умывальник в углу, резной сундук из красного дерева с множеством ящичков, зеркало в раме, украшенной филигранной резьбой, стул, утыканный медными гвоздями как гроб – вот, что составляло мою мебель. Над изголовьем висели еще две дубовые полки с дюжиной книг, среди которых были “Теодор, или перуанцы”, “Робинзон Крузо”, странный том Тристрама Шенди, книга проповедника Бакстера и прекрасное английское издание «Арабские ночи» с шестьюстами гравюрами на дереве Харви.

Смогу ли я когда-нибудь забыть тот час, когда впервые просмотрел эти книги? Я, правда, не имею в виду «Покой святых» Бакстера, которая далека от того, чтобы быть настольной книгой для детей. Но арабские сказки о тысяче и одной ночи и, особенно, книжка о Робинзоне Крузо – вот, что вызвало нервный трепет, который устремился в кончики моих пальцев и который не исчез до сих пор. Много раз я незаметно пробирался в мою уютную комнату и, взяв со своей полки том размером с собачьи уши, соскальзывал в зачарованное царство, где не было ни уроков, ни парней, которые могли бы пнуть меня и разорвать моего воздушного змея. Впоследствии, на чердаке, в сундуке без крышки, я раскопал еще одну пеструю коллекцию романов и повестей, охватывающую приключения

барона Тренка, Джека Шепарда, Дон Кихота, Гилы Блас и Шарлотты Темпл —
все это я жадно пожирал, как книжный червь.